

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П80

Прокудин, Николай Николаевич.

П80 Последняя обойма / Николай Прокудин, Александр Волков. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104593-7

Такая удача просто ошеломила душманов! Над Панджшерским ущельем им удалось СБИТЬ НАШ МИГ-21.

Подобное не раз случалось во время афганской войны, но чтобы пилотом оказался генерал! Редкое везение.

Душманы словно с цепи сорвались в поисках катапультировавшегося летчика. Ведь за голову ЗАМЕСТИТЕЛЯ КОМАНДУЮЩЕГО ВВС АРМИЕЙ генерала Андрея Воронова можно получить баснословные деньги...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104593-7

© Прокудин Н.Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*СССР; Куйбышевская область,
город Сызрань СССР;
Москва — ДРА; Кабул*

Дверь шумно распахнулась, впус­тив в помеще­ние небольшого цветочного магазинчика вол­ну морозного воздуха.

— Ой, скорее закрывайте! — заволновалась молоденькая продавщица.

Через порог вальяжно переступил начальник патруля — щеголеватый старший лейтенант в начищенных хромовых сапогах и шинели, перетянутой португеей. Два рядовых патрульных проскользнули следом и остановились у двери.

— Кажется, в ваше благоухающее царство только что проник курсант. Или мне показалось? — криво улыбнулся офицер, отчего тонкие усики над бледными губами разъехались в стороны.

— Курсант? — переспросила девушка, пристроив в угол швабру, которой протирала линолеумный пол. — Нет, курсанты сегодня цветы не покупали. Сегодня же будний день — увольнений нет.

Начальник патруля обвел помещение взглядом. Двадцатиметровый торговый зал был плотно

заставлен белыми вместительными вазами, из которых торчали розы различных сортов и расцветок, а также гвоздики, герберы и лилии. В углу имелся закуток для продавца с витриной, стульчиком, столом и кассовым аппаратом.

— В том-то и дело, что увольнений нет, а некоторым юным наглецам на это наплевать, — процедил старлей. Кивнув на дверь, поинтересовался: — А там у вас что?

— Подсобные помещения.

Молодцеватого офицера ответ не устроил.

Продавщице пришлось уточнить:

— Умывальник, туалет и маленький склад с холодильником.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста, — сказала девушка и повела плечиком так, будто от незваных гостей пахнуло чем-то неприятным.

Сделав несколько шагов, офицер открыл дверь и прошелся по короткому коридорчику, поочередно проверяя все смежные с торговым залом помещения. Ни курсанта, ни мокрых следов от его яловых сапог здесь не было.

Возвратившись в зал, начальник патруля вдруг заметил в углу позади продавщицы что-то накрытое стеганым одеялом и куцым женским пальтишком. Это «что-то» очень походило на человека, стоявшего на коленях и прикившего лбом к полу.

— А это что? — остановился старший лейтенант.

Девушка в недоумении оглянулась.

— А-а... это рассада, — вспомнила она. — Несколько дней назад высадили в грунт семена цветов. Теперь до всхода они должны постоянно находиться в тепле.

Потоптавшись, офицер направился к выходу. Рядовые патрульные поспешили за ним.

Девушка с полминуты нарезала большие прямоугольнички из прозрачного упаковочного материала. Затем выпорхнула из-за прилавка, приоткрыла входную дверь и осторожно выглянула наружу.

Вернувшись, тронула прикрытую «цветочную рассаду»:

— Они ушли.

«Рассада» зашевелилась. Из-под стеганого одеяла показалась коротко стриженная голова юноши:

— Точно?

— Я только что посмотрела — ушли по улице Чапаева в сторону Крытого рынка.

— Тогда мне нужно возвращаться в училище. Большое спасибо за предоставленное убежище. Если бы не ты...

— Да ладно, чего там, — смутилась девушка, заново укрывая стоявшие у стенки горшки с грунтом.

Она проводила курсанта до двери. Прежде чем исчезнуть в темноте зимнего вечера, он легонько пожал ее прохладную руку и спросил:

— Тебя как зовут?

— Оксана.

— А меня Андрей. Можно я зайду в твой магазин в увольнении?

— Заходи, магазин открыт для всех, — она опустила голову, чтобы молодой человек не заметил, как ее щеки покрылись румянцем.

— До встречи! — И он толкнул дверь.

* * *

Припомнив знакомство со своей будущей супругой, Андрей Воронов не смог сдержать счастливую улыбку. Он сидел в кресле «Ил-62», принадлежавшего Министерству обороны. Самолет летел по маршруту Москва — Кабул, перевозя большую группу офицеров Генерального штаба и ГлавПУРа. Очередная толпа проверяющих. Пару недель они пошатаются по частям в Кабуле, заработают чеки, прикупят шмотки и вернуться домой, бравирова перед коллегами участием в боевых действиях.

Глянув на проплывавшие за бортом облака, Воронов откинулся на подголовник кресла и, закрыв глаза, опять погрузился в воспоминания...

Как же все складно тогда получилось: самовольная отлучка домой — мама в декабре справляла день рождения, и Андрею не терпелось поздравить ее; неожиданная встреча с патрулем, бегство от него по центральным улицам Саратова; яркая неоновая вывеска цветочного магазинчика, короткий разговор с девушкой-продавщицей...

Да, ее находчивость и милая внешность долго потом не давали покоя молодому курсанту. Едва дождавшись выходных, Воронов получил увольнительную и помчался в магазин, располагавшийся в четырех кварталах от КПП Авиационного училища.

Оксана сразу его узнала, заулыбалась. А он, подождав, пока торговый зал покинет единственный покупатель, подошел и протянул ей коробочку конфет:

— Это тебе.

А часа через полтора, дождавшись окончания рабочего дня, парочка отправилась бродить по улицам вечернего города...

* * *

Три месяца назад Андрей Воронов отметил свое сорокалетие. Сразу за юбилеем последовали экзамены в Академии Генерального штаба и долгожданный выпуск с торжественным присво-

ением воинского звания высшего офицерского состава — генерал-майор. Тогда же он получил и новое назначение на должность заместителя командующего ВВС 40-й армии.

В глубоком детстве Андрюшка обладал отталкивающей внешностью: угловатая фигура, покрытое веснушками лицо, оттопыренные уши, вздернутый нос. Впрочем, это не помешало ему стать заводилой и главарем уличных хулиганов. К выпускному классу школы фигура Андрея благодаря регулярным занятиям спортом выправилась и стала образцовой, черты лица сгладились, и многие одноклассницы с удивлением обнаружили, что за соседней партой сидит настоящий красавчик.

В его внешности действительно присутствовал легкий налет демонизма: гладкая кожа с ровным коричневатым загаром, темные слегка вьющиеся волосы, серо-голубые глаза, прямой нос над тонкими губами и завораживающий баритон.

Но было поздно — красавчик перестал нарушать дисциплину, не замечал одноклассниц, взялся за ум и всецело погрузился в подготовку к вступительным экзаменам в Сызранское Высшее военное авиационное училище.

Будучи курсантом Воронов иногда вспоминал отголоски былой саратовской вольности, однако чем меньше оставалось времени до государственных экзаменов, тем реже его посещало же-

лание одним необдуманном поступком лишиться мечты стать военным летчиком и сломать свое будущее. Так и окончил училище, блестяще сдав экзамены, получил диплом с лейтенантскими погонами и отправился по распределению с молодой женой Оксаной в один из сибирских гарнизонов...

Положенный отпуск, проведенный вместе с семьей, пролетел как одна неделя. И вот уже — проводы на военном аэродроме, слезы Оксаны; напряженное молчание пятнадцатилетнего сына, держащего за руку испуганную и растерянную младшую сестренку; восхождение по трапу, прощальный взмах рукой...

...Детство Андрея прошло в Саратове — в обычной для того времени сталинской пятиэтажке, где семья Вороновых занимала две комнаты в огромной коммунальной квартире. Соседей было несметное количество — в одной небольшой комнатухе порой проживали до шести человек. Многое за прошедшие годы из памяти Андрея стерлось, однако навсегда врезалось главное: простота общения, искренняя взаимовыручка; абсолютное доверие (ключи от соседских комнат всегда висели на гвоздиках слева от входной двери), общий стол с угощениями по праздникам...

Бабушка Андрея во время войны служила в зенитном полку — «слушала самолеты» и ох-

раняла небо прифронтового города от немецких бомбардировщиков. Охранять было что: железнодорожный мост через Волгу, по которому денно и нощно шли на фронт эшелоны с техникой, боеприпасами и пополнением; Саратовский авиационный завод, за время войны выпустивший более тринадцати тысяч истребителей; нефтебаза, крекинг-завод, электроподстанции.

Бабушкина батарея размещалась на возвышенности недалеко от моста; налеты немецкой авиации случались часто и в основном по ночам. О своей службе она рассказывала с юмором. К примеру, о том, как одно время в палаточной столовой совершенно не было продуктов, кроме американского шоколада и безвкусного темно-серого хлеба, испеченного из отрубей. Вспомнила о том, как молодых девчонок учили курить, чтобы те не ощущали постоянного голода. Или о том, как однажды в бане выдали куски мыла с оттисками двуглавого царского орла, и какими роскошными и мягкими после помывки этим мылом стали волосы.

Бабушка и после войны, заслышав летящий в небе самолет, безошибочно определяла: «Двухмоторный, пошел на запад». Маленький Андрей тотчас выбегал на балкон и с удивлением убеждался в ее правоте.

Дед Андрея вернулся домой лишь через полто-

ра года после окончания войны. На его теле осталось несколько кривых шрамов, но об этом он рассказывал мало и неохотно. Семья знала, что он летал на истребителе, был сбит и изо всех сил тянул на горящей машине к линии фронта. Недотянул. Несколько месяцев провел в плену, пока не удалось бежать. Около года воевал в партизанском отряде, потом вернулся в строй и снова летал на истребителе. Совершил триста пятьдесят боевых вылетов, провел восемьдесят воздушных боев, лично сбил четырнадцать фашистов и три — в группе. Его парадный офицерский китель украшали семь боевых орденов.

Народу тогда хватало всякого, по соседству с семьей Вороновых жили не только герои и ветераны Великой Отечественной войны. В ближайшей булочной работала продавщицей сморщенная старушка, жившая на первом этаже сталинского дома. Толстые линзы в роговой оправе, седые кудряшки из-под клетчатого платка и неизменная телогрейка в холодную пору. Все от мала до велика знали, что служила она у немцев в полицейской команде где-то в районном центре юго-западнее Сталинграда. Положенный срок после войны до конца не отсидела — лагеря были заменены принудительной работой. Так и попала в Саратов. Народ ее сторонился, заговаривать избегал. Впрочем, и она особо не стремилась

к общению: изредка в выходной день сидела во дворе на лавочке под сиренью и задумчиво глядела куда-то вдаль.

Двумя этажами выше проживала еще одна странная семейка. Тетя Саша — худая болезненная женщина с печальной улыбкой на бледном лице — всю войну партизанила в белорусских лесах. Была санитаркой, участвовала в рейдах по немецким тылам. Смеясь, рассказывала, какой талантливый в их отряде служил фельдшер: аборт девкам делал прямо на широком пне у костерка. Довелось и Саше лечь под его скальпель, правда, по причине обычного аппендицита. Операция прошла успешно, если не считать огромного разреза, сделанного из-за отсутствия условий. А позже начались проблемы: не успел шов зажить, как отряду пришлось спешно уходить от карателей. На подводах везли провизию, боеприпасы, раненых и детвору. Топали полсотни верст пешком. Топала и Саша, подерживая руками перетянутый платком живот, чтоб «кишки не выпали наружу». Так и воевала с крепким бандажом до полного освобождения Белоруссии.

А ее муженек — сухощавый неразговорчивый по имени Миша и по прозвищу Сморчок — сам себе прострелил правую ладонь на охоте в первую неделю войны. Поговаривали, этот прием был распространен среди молодых мужчин, не

желавших идти на фронт. Такие умники встречались всегда, во всех странах, независимо от национальности.

За подобные выходки серьезно наказывали, однако и здесь Миша каким-то образом вышел сухим из воды. Жильцы сталинского дома откровенно недолюбливали Сморчка, никогда с ним не здоровались и не переставали удивляться загадочному факту: что могло объединить героическую белорусскую санитарку и трусоватого «самострела»?..

Наконец на втором этаже первого подъезда жил герой-танкист Иван Варламович — старшина запаса, кавалер двух орденов Славы. Без обеих ног, контуженый, весь нашпигованный осколками, но не теряющий оптимизма и страстно желающий прожить под мирным голубым небом до ста лет. Варламышу (так уважительно называли его соседи) было чрезвычайно трудно спускаться на деревянной каталке по ступеням лестницы, и мужики соорудили ему специальный металлический поручень вдоль стены подъезда. Это простое приспособление круто изменило жизнь инвалида. Он стал ежедневно спускаться во двор, гонял в ближайший магазин, в городской парк «Липки» и даже на набережную Волги, где пристрастился рыбачить с деревянных мостков. Варламыш умер одним из первых, не прожив под мирным небом и десяти